

АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА

Высылка интеллигенции в 1922–1923 годы: мифы и реальность

А. В. Квакин*

Продолжение. Начало см. в № 1 (9) 2013 г.

Аннотация. В статье рассматривается современное состояние изучения одной из трагических страниц Отечественной истории — депортация большой группы русской интеллигенции Советской властью в 1922–1923 годы. На основе вновь введенного в исторический оборот материала опровергаются отдельные публицистические стереотипы и пропагандистские штампы. Одновременно подчеркивается актуальность отдельных аспектов истории «философского парохода».

Ключевые слова: власть большевиков; история России XX в.; мировая культура; репрессии против инакомыслящих; российское зарубежье; русская интеллигенция.

«Р еволюционное правосознание» лидеров большевиков подсказало им столь «гуманный», как им казалось, по тем временам вариант «перевоспитания идеологических прислужников буржуазии». До победы «мировой пролетарской революции» не допускалось их возвращение в РСФСР. Так, С. Е. Трубецкой вспоминал: «Перед тем, как выпустить меня из тюрьмы ГПУ, мне дали подписать бумагу, где мне объявлялось, что я высылаюсь из пределов СССР — без обозначения срока высылки — и что, если я вернусь в Советский Союз, я подлежу расстрелу, который будет приведен в исполнение первым же органом власти, в руки которого я попаду...»¹ По замыслу лидеров большевиков, Запад должен был перевоспитать высылаемых.

Нужно видеть, что для многих высылаемых сама по себе высылка была практически единственным способом спасения

собственной жизни. И если большевики оценивали высылку как наказание инакомыслящих, то для многих «внутренних эмигрантов» в Советской России «философский пароход» стал символом приобретения свободы. Современный исследователь В. Л. Телицын справедливо писал: «Пусть это не покажется кощунственным, но, в конечном счете, оказалось, что принудительная высылка спасла подвергшихся депортации от будущей неминуемой гибели в лагерях ГУЛАГа (хотя до некоторых чекистская рука дотянулась и за границей). Не сложно себе представить, как могли закончить свои дни Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, М. А. Осоргин, С. Н. Прокопович и многие другие, останься они в России. Достаточно вспомнить судьбы тех, кто «предназначался к высылке», но в силу различных обстоятельств избежал ее, — аграрника Н. Д. Кондратьева, философа Г. Г. Шпета, экономиста И. Х. Озерова... Лишившись родины,

* Квакин Андрей Владимирович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории Российского государства Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. E-mail: akvakin@hotmail.com

¹ Трубецкой С. Е. Минувшее. М.: ДЭМ, 1991. С. 320–321.

высланные сохранили жизнь и свободу; как сказал один из русских эмигрантов, «Родина без свободы для меня не родина, а свобода без родины, хоть и очень тяжела, но все-таки остается свободой»².

В сентябре 1922 г. находившийся тогда в «полуэмиграции» М. Горький сообщил вставшему на путь сменовеховства А. Н. Толстому: «В Петрограде арестован Замятин. И еще многие, главным образом — философы и гуманисты: Карсавин, Лапшин, Лосский и т. д. Даже — Зубов, несмотря на его коммунизм, видимо, за то, что — граф»³. И 7 сентября 1922 г. за подписью Г. Г. Ягоды было выдано удостоверение о высылке Е. И. Замятина за границу⁴. Юрий Анненков вспоминал: «Постановлением о высылке за границу Замятин был чрезвычайно обрадован: наконец-то — свободная жизнь! Но друзья Замятина, не зная его мнения, стали усердно хлопотать за него перед властями и, в конце концов, добились: приговор был отменен. Замятина выпустили из тюрьмы, и тот же день, к своему глубокому огорчению, он узнал, со слов Бориса Пильняка, что высылка за границу не состоится»⁵. Вместе с Анненковым Замятин пошел в порт на проводы высланных из Советской России представителей петроградской интеллигенции. «Сразу же после этого Замятин подал прошение о его высылке за границу, но получил категорический отказ»⁶. По сведениям литератора Н. А. Оцуа, «с первой партией высланных литераторов в Берлине ждали и Замятина. Все знали, что и он был арестован. Знали, что ему, как другим, хочется воздуха Европы. Не знали только, что

этот европеец сильнее, чем многие, привязан к России. Когда, благодаря хлопотам друзей и учеников, ему предложили на выбор: уехать или остаться, — Замятин предпочел остаться»⁷. Несомненно, в общем контексте с этой высылкой ученых, философов и литераторов рассматривалось современниками и закрытие осенью 1922 г. в Петрограде Дома литераторов и Дома искусств.

Но 13 февраля 1923 г. в Ревель прибыл из Петрограда высланный позже других Д. А. Лутохин⁸. В беседе с тамошним журналистом он в числе последних питерских новостей сообщил и самую свежую новость о Замятине: «Выехать предписано писателю и профессору кораблестроительного отделения политехникума Евгению Замятину. Замятин был в числе первых намеченных к высылке 160 человек. Кто-то, без спроса у Замятина, хлопотал — высылку оставили. Сам просился выехать — не разрешили. А теперь неожиданно — уезжайте. И уезжает»⁹. Свидетельство Лутохина вносит существенную коррективу в предложенное Анненковым освещение событий 1922–1923 гг. Оно соотносится с опубликованным письмом А. К. Воронского к Замятину от 21 марта 1923 г., где в частности говорится: «О Вашем отъезде искренно сожалею. Пожалуйста, не работайте в зарубежных русских повременных изданиях. Честное слово, не стоит. Крепко надеюсь, что месяца через три Вы сможете возвратиться в Россию и сесть здесь более крепко. Держите связь с нами. Если будут затруднения денежного характера, обращайтесь ко мне. Присылайте нам, что напишите. Сообщите Ваш адрес»¹⁰.

² Телицын В. Л. «Люди мысли»: изгнание из России. (Реконструкция списка высланных во второй половине 1922 — начале 1923 года) // Факты и версии. Историко-культурологический альманах. Исследования и материалы. Книга III. Русское зарубежье: политика, экономика, культура. СПб., 2002. С. 21.

³ Горький и советские писатели. Неизданная переписка / Сер. Литературное Наследство. Т. 70.. М., 1963. С. 402.

⁴ Копию удостоверения, как ценную реликвию, Замятин взял с собой, покидая СССР в 1931 г., и она сохранилась в его архиве. См.: Dagmar Hobzova. Catalogue des archives parisiennes d'Evgenij Zamjatin // Cahiers du monde russe et soviétique. Vol. XIII — 2 (Avril — Juin 1972), P. 279.

⁵ Анненков Ю. П. Дневник моих встреч. Цикл трагедий. В 2 т. Т. 1 New York: Inter-Language Literary Associates / Международное Литературное содружество, 1966. С. 265–266.

⁶ Там же.

⁷ Оцуп Н. Современники. Париж, 1961. С. 101.

⁸ См. о нем: Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О. Русский Берлин. Париж, 1983. С. 300–303.

⁹ Оредовский Я. «Высланный» // Последние Известия (Ревель). 1923. 16 февр.

¹⁰ Из истории советской литературы 1920–1930-х годов. Новые материалы и исследования / Сер. Литературное наследство. Т. 93. М.: Наука, 1983. С. 581.

Таким образом, «причина несостоявшейся в 1922–1923 гг. эмиграции Замятина выглядит более сложной, чем казалось ранее. Не-эмиграция его была актом свободного выбора, а не результатом запрета или давления: Замятин отказался уезжать, получив разрешение на отъезд»¹¹. Так проясняется полный смысл не раз цитировавшегося в литературе пассажи из автобиографии писателя 1929 г., написанной незадолго до компании против него и Пильняка: «Думаю, что если бы в 1917 году не вернулся из Англии, если бы все эти годы не прожил вместе с Россией — больше не мог бы писать. Видел многое: в Петербурге, в Москве, в захолустье — Тамбовском, в деревне — Вологодской, Псковской, в теплушках. Так замкнулся круг. Еще не знаю, не вижу, какие кривые в моей жизни дальше»¹². Значительную роль в решении Е. И. Замятина отказаться тогда от эмиграции могли сыграть примирительные жесты со стороны большевиков в его адрес. В любом случае высылка и жизнь в Зарубежье могли спасти его от трагической гибели в 1937 г.

Это подтверждает и тот факт, что и другие оставленные в России лица, первоначально намеченные к депортации, скоро подверглись физическому уничтожению. Так, за Н. Д. Кондратьева вступился О. Ю. Шмидт, в будущем известный путешественник и исследователь полярных широт. В 1930 г. Кондратьев был арестован и в 1938 г. расстрелян. А в середине 1990-х гг. сын О. Ю. Шмидта — известный историк, профессор С. О. Шмидт — попросил прощения у дочери Николая Дмитриевича за своего отца, из лучших побуждений сорвавшего в 1922 г. высылку Кондратьева за рубеж¹³.

В защиту арестованных поступили ходатайства от государственных и общественных организаций, даже от некоторых большевистских руководителей, которые лично знали заключенных по совместной учебе

или работе. Так, А. К. Воронский вступился за писателя Е. И. Замятина, А. В. Луначарский — за профессора Петроградского университета И. И. Лапшина, М. И. Калинин — за общественного деятеля Н. М. Кишкина; В. В. Оболенский (Осинский) — за экономиста-аграрника Н. Д. Кондратьева (Китаева), В. Н. Яковлева — за профессора Московского университета В. Е. Фомина, М. Ф. Владимирова — за экономиста Л. Н. Юровского, Г. М. Кржижановский и Ю. Л. Пятаков — за инженера П. А. Пальчинского. Была образована и в ночь с 31 августа на 1 сентября начала заседать Комиссия по пересмотру списков высылаемых интеллигентов в составе Ф. Э. Дзержинского, И. С. Уншлихта, Г. Г. Ягоды и двух сотрудников 4-го отделения секретного отдела ГПУ, отвечавшего за подготовку и осуществление этой операции. Комиссия работала в течение недели и частично пошла навстречу просьбам «ответственных товарищей». От высылки освободили таких опытных специалистов народного хозяйства, как И. И. Куколевский и Л. Н. Юровский. Также было решено отложить высылку Е. И. Замятина, Н. Д. Кондратьева, профессора И. А. Артоболевского (отца будущего знаменитого советского математика), некоторых других. В отношении Н. А. Рожкова в ноябре и декабре 1922 г. Политбюро заменило высылку за рубеж на ссылку в Псков. Примерно тогда же была отменена высылка профессоров Н. П. Огановского, В. И. Чарнолусского и других¹⁴. Далеко не все они были рады тому, что остались на Родине и избежали высылки.

За последние 20 лет аресты и высылка за границу большой группы интеллигенции 1922 г. определяются частью публицистов, как «начало массовых репрессий» со стороны Советской власти. Так, известный современный историк интеллигенции В. Л. Соскин

¹¹ Мальмстад Дж., Флейшман Л. Из биографии Замятина (по новым материалам) // Stanford Slavic Studies. Stanford, 1987. Vol. 1. P. 115.

¹² Замятин Евг. Автобиография // Собрание сочинений. Т. 1. М.: Русская книга 1929. С. 19.

¹³ Телицын В. Л. «Люди мысли»: изгнание из России. (Реконструкция списка высланных во второй половине 1922 — начале 1923 года) // Факты и версии. Историко-культурологический альманах. Исследования и материалы. Книга III. Русское зарубежье: политика, экономика, культура. СПб., 2002. С. 27–28.

¹⁴ Новая и новейшая история. 2002. № 5. С. 156–157.

рассматривает высылку «как первый опыт... по организации масштабного преследования инакомыслящих»¹⁵. С этим трудно согласиться, так как преследования деятелей Помгола и их прошения о высылке именно в Зарубежье уже создавали масштабный прецедент.

Утверждается также, что инициатором подобных действий был Л. Д. Троцкий. Например, В. Костиков пишет: «Появление в «Правде» статьи «Диктатура, где твой хлыст?», подписанной таинственным инициалом «О» (существует предположение, что статья написана Троцким¹⁶), открывает гонения на ту часть интеллигенции, которая продолжает отстаивать право на независимость мнений и практические меры по «очищению» страны от несогласных. В августе 1922 г. из страны без суда, административным решением ГПУ было выслано 160 человек, открывших первый список советских «диссидентов»¹⁷. Н. О. Лосский в свое время также говорил о Л. Д. Троцком как инициаторе высылки за границу, объясняя это решение тем, что «в это время большевистское правительство добивалось признания государствами Западной Европы. Арестованы были лица, имена и деятельность которых были известны в Европе, и большевики хотели, очевидно, показать, что их режим не есть варварская деспотия»¹⁸.

Правда, есть и мнение, что акция депортации инакомыслящей интеллигенции была предпринята во время болезни В. И. Ленина по инициативе И. В. Сталина, а открыли гонения ответы чекистов на сталинские призывы в статье в «Правде» под названием «Первое предостережение»¹⁹. Решение о высылке принималось не лично В. И. Лениным, а Политбюро, в котором тогда уже заправлял Генеральный

Секретарь ЦК И. В. Сталин. Он же, по мнению М. Е. Главацкого, играл главную роль во всем этом действе. В качестве инициатора и руководителя высылки называется также и глава питерских большевиков Г. Е. Зиновьев, который в одном из своих выступлений утверждал, что новой России нужны интеллигентные силы, но при этом вольно ли невольно признавался, что в каждом интеллигенте видит врага новой власти²⁰. Современный исследователь Ю. Н. Емельянов, со ссылкой на берлинскую газету «Руль» от 3 октября 1922 г., утверждает, что решение о высылке «как о мере наказания было принято, по-видимому, в связи с выступлением Зиновьева, где говорилось о необходимости устранения из Советской России враждебной власти интеллигенции»²¹.

Предпринимаются и другие попытки рассмотреть роль В. И. Ленина в данном мероприятии²². М. Е. Главацкий справедливо опровергает точку зрения И. И. Илькевича о том, что сама идея высылки «как репрессивную и принудительную меру и форму насилия» изобрел Ленин уже в начале 1919 г., и убедительно показывает, что высылка представителей интеллигенции, неугодных правящим кругам, практиковалась с древних времен. Широко использовалась она и в царской России, когда за ее пределами, в основном в Западной Европе, оказались сотни оппозиционно настроенных интеллигентов, прежде всего либералы и социал-демократы различных оттенков, включая и самого Ленина. Поэтому в 1922 г. ему, а после него и другим вождям тоталитарных режимов не нужно было ничего придумывать²³.

Исследователям пока недоступен весь комплекс документов по мотивам и характеру

¹⁵ Соскин В. Л. Переход к НЭПу и культура (1921–1923 гг.). Новосибирск, 1997. С. 83.

¹⁶ Главацкий М. Г. Философский пароход. Историографические этюды. Год 1922-й. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. С. 76–77.

¹⁷ Костиков В. О «феномене Лоханкина» и русской интеллигенции // Огонёк. 1988. № 49. С. 6.

¹⁸ Лосский Н. О. Воспоминания: Жизнь и философский путь. Мюнхен, 1968. С. 211.

¹⁹ Октябрь. 1988. № 1. С. 72; Знамя. 1990. № 3. С. 130.

²⁰ См.: Хоружий С. Философский пароход. Как это было // Литературная газета. 1990. № 19.

²¹ Емельянов Ю. Н. С. П. Мельгунов: в России и эмиграции. М., 1998. С. 63.

²² См.: Дмитриев С. Завет терпимости. Ленин и «Письма к Луначарскому» Короленко // Наш современник. 1990. № 4. С. 174–189; Костиков В. Изгнание из рая // Огонёк. 1990. № 24. С. 14–16.

²³ Селезнева И. Н. Интеллектуалам в советской России места нет. Архивные документы о высылке 1922 года // Вестник РАН. 2001. № 8. С. 740–741.

депортации, но среди имеющихся в распоряжении историков документальных источников хотелось бы обратить внимание на следующее. Именно В. И. Ленин, как показывает приведенная здесь хронология событий, был инициатором репатриации инакомыслящих, тщательно готовил вопрос о высылке за границу, предлагая свои проекты членам Политбюро ЦК РКП (б), и особенно Ф. Э. Дзержинскому²⁴. Интересное замечание позже высказал один из высланных — писатель М. А. Осоргин: «... В Москве шел слух, что в командующих рядах нет полного согласия по части нашей высылки; называли тех, кто был за и кто был против. Плохо, что «за» был Троцкий. Вероятно, позже, когда высылали его самого, он был против этого!»²⁵.

Первоначально предполагалось выслать интеллигентов в Германию. Страна высылки, скорее всего, была выбрана не случайно, так как только Германия оставалась с Советской Россией в партнерских отношениях в то время, хотя порой в эмиграции высказывались предположения и намеки на «старые связи большевиков с кайзеровской разведкой». В доверительном письме С. Д. Боткина М. Н. Гирсу от 14 декабря 1922 г. сообщается: «Советское правительство само обратилось в германское посольство в Москве с запросом о возможности для высылаемых получить германские визы. Посольство ответило, что Германия не является местом ссылки для иностранцев, но что в случае, если сами заинтересованные обратятся с соответствующим ходатайством, посольство преминет поддержать таковое перед своим правительством. Действительно, наши ученые получили из Берлина немедленно благоприятный ответ на их просьбу о разрешении на въезд в Германию, и здесь встретили вполне радужный прием»²⁶. Когда Совнарком обратился к германскому правительству с просьбой выдать соответствующие визы, «Канцлер Вирт ответил, что Германия не

Сибирь и ссылат в нее русских граждан нельзя, но если русские ученые и писатели сами обратятся с просьбой дать им визу, Германия охотно окажет им гостеприимство. Тогда правительство в Петрограде освободило от ареста тех из нашей группы, кто был старше 50 лет, и поручило нам достать визы для себя и для своих более молодых товарищей»²⁷, — вспоминал и философ Н. О. Лосский. Правовое сознание германских властей не позволяло им воспринимать высылку в их страну как правомерный юридический акт, и они потребовали «цивилизованного» оформления въезда в Германию значительной группы россиян, но это не могло остановить «творцов новой, пролетарской юстиции». «Карающий меч революции» должен был свершить свое дело.

Обращает на себя внимание то, как составлялись списки высылаемых. Современный исследователь Ю. Н. Емельянов очень верно заметил: «1922 год — трагическая дата в истории отечественной науки и культуры. В августе этого года из России без суда и следствия, административным решением была выслана большая группа писателей, ученых, деятелей культуры. Людей «выдворяли» из собственного Отечества. Данная акция является уникальной в истории взаимоотношений интеллигенции и власти. Высылка интеллигенции в этом году была, бесспорно, последним крупным разрывом живой плоти русской культуры. **Высылались даже те, молчание которых было очевидным укором новой власти** (выделено мной. — А. К.)»²⁸. Данный отбор высылаемых был во многом случаен, зависел и от взаимоотношений отдельных представителей интеллигенции с местными большевистскими властями, и от оценки последними степени «опасности» того или иного кандидата: зачастую именно с подачи местных властей центр включал людей в списки на высылку.

На это обратила внимание современный исследователь из Казани С. Ю. Малышева:

²⁴ См. Квакин А. В. Идеино-политическая дифференциация российской интеллигенции в период нэпа, 1921?

²⁵ Осоргин М. А. Времена. Париж, 1955. С. 180.

²⁶ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Girs, Mikhail N. Box 21. Folder 21. — 1.

²⁷ Лосский Н. О. Воспоминания: Жизнь и философский путь. Мюнхен, 1968. С. 218–219.

²⁸ Емельянов Ю. Н. С. П. Мельгунов: в России и эмиграции. М., 1998. С. 63.

«Почему же имена трех казанских профессоров — 41-летнего Стратонова, 48-летних Овчинникова и Трошина, не занимавшихся непосредственно политической деятельностью, не участвовавших ни в каких заговорах и восстаниях (даже не «скомпрометировавших» себя поддержкой Комуча летом 1918 г., в отличие от многих профессоров Казанского университета, которые приветствовали приход Народной Армии), оказались в списках 1922 г. на высылку? Каждый из этих авторитетных ученых, к мнению которых прислушивались в городе, людей умных и смелых, не способных к слепому послушанию вообще и в частности, при контактах с новой властью и ее подчас безграмотными чиновниками, людей неравнодушных, не боявшихся открыто высказывать свои суждения, разумеется, могли раздражать местные и центральные власти»²⁹.

Критик Ю. И. Айхенвальд, высланный в 1922 г., писал литератору В. Ф. Ходасевичу 5 августа 1926 г. о роли отдельных личностей в составлении списка на депортацию: «О Брюсове... И сам я меньше всего склонен его идеализировать. Он сделал мне немало дурного, и когда сопричислился к сильным мира сего, некрасиво, т. е. экономически мстил мне за отрицательный отзыв о нем в одной из моих давнишних статей. Самая высылка моя — я это знаю, наверное, из источника безукоризненного — прошла при его содействии»³⁰. Эти сведения позволяют предположить, что кандидатуры для высылки подбирались часто субъективно.

При осуществлении депортации возникло немало «накладок» и «нестыковок». Они порой позволяют проследить механизм работы репрессивного аппарата большевиков. И, что особенно важно для нас, через единичные случаи мы можем извлечь общий урок функционирования антидемократического режима. А именно то, что под маховик

репрессий может попасть случайно любой человек. Основатель Института истории искусств в Санкт-Петербурге граф В. П. Zubov вспоминал: «Это было время, когда ГПУ было сравнительно снисходительно: все профессора, арестованные в этой группе, впоследствии были высланы за границу, что **для большинства было осуществлением их тайных желаний** [выделено мной. — А. К.]. Также и [В. Н.] Строев получил приказ о высылке: он продал свою библиотеку, мебель и приготовился к отъезду. Неожиданно перед ним извинились, его-де спутали с другим лицом, с профессором [В. А.] Строевым-Десницким. Он, значит, не высылался, и ему отказали в обещанном заграничном паспорте. Можно себе представить его горькое разочарование. Кажется, что после долгих стараний ему удалось все же получить разрешение на выезд, по крайней мере, много лет спустя я встретил его в Берлине, где он и скончался»³¹.

Данная информация заставила обратиться к протоколам допросов высылаемых. Практически все они стандартные, очень похожи друг на друга. По свидетельству высланного В. А. Мякотина, каждому кандидату на высылку необходимо было заполнить анкету из семи вопросов, касающихся политических взглядов, отношения к Советской власти и «пролетарской республике», к интеллигенции, сменовеховцам, процессу эсеров, забастовке профессоров и так далее. По мнению составителей анкеты, ответы на нее должны явиться достаточным основанием для решения вопроса о высылке³².

Но с протоколами допросов Строевых произошел характерный казус. В списке «антисоветской интеллигенции» — кандидатов на высылку, обсужденном на заседании Политбюро ЦК ВКП (б), за подписью Л. Б. Каменева, Д. И. Курского, И. С. Уншлихта нет упоминаний ни одного из интеллигентов с фамилией «Строев»³³. Но в «Рапорте о состоянии

²⁹ Малышева С. Ю. Казанские профессора — пассажиры «философского» парохода // Российское Зарубежье: история и современность. М., 1998. С. 54.

³⁰ Ходасевич В. Ф. Некрополь: Воспоминания. Брюссель: Петрополис 1939. С. 278.

³¹ Zubov В. П. Страдные годы России. Воспоминания о революции (1917–1925). Munchen: Wilhelm Fink, 1968. С. 135.

³² Беседа с Мякотиним // Руль. 1922, 1 октября. РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 2. д. 1245. л. 1–7.

³³ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 2. д. 1245. л. 1–7.

операции по высылке антисоветской интеллигенции на 23 августа 1922 г.» в разделе об арестованных Петроградским губотделом ГПУ с 16 на 17 августа профессор Василий Николаевич Строев значится первым³⁴. А в протоколах допросов обнаружена только одна папка с делом одного Строева. И здесь начинаются нестыковки. Уже в заголовке допроса указан «Строев» как псевдоним публициста Василия Алексеевича Десницкого, но допрашивают профессора Василия Николаевича Строева. В протоколе допроса записаны показания последнего: «С 1919 по 1920 год был в Тамбове и преподавал как профессор истории. Никогда ни в каких партиях не состоял и не состою. Политических убеждений у меня нет, и никогда не было, ибо я все время занимался своей наукой, а притом я являюсь тяжело больным физически. Со структурой Советской власти я знаком и вполне ее признаю. О системе пролетарского государства я судить не могу, ибо я находился далеко от науки [так в тексте. — А. К.]. Мои взгляды на значимость интеллигенции, так называемой «общественности»: Интеллигентами я считаю всякого образованного человека не зависимо от его класса и как [тех, кто] ищет общественности для распространения своих знаний и благосостояния всего народа. На методы борьбы с Советской властью профессоров, как то забастовки, я смотрю отрицательно, ибо наука не должна вмешиваться в политические дела страны, а [должна] отдавать свои знания для поднятия культуры в стране. К сменовеховцам я отношусь критически, ибо их взгляды на то, что интеллигенция относится враждебно к пролетарскому строительству, не отвечают действительности, ибо насколько я знаю, большая часть интеллигенции всегда шла навстречу народу. К Савинкову и Партии социалистов-революционеров, то к ним я отношусь отрицательно за их террористическую работу. Мои взгляды на политику Советской власти в области высшей школы вполне совпадают с моими воззрениями, так как я являюсь ярким противником лекционной системы и сторонником семинарской

системы. О перспективе русской интеллигенции за границей — я считаю, что оно не может принести ни добра, ни зла и [ее эмигрантское существование. — А. К.] абсолютно бессмысленно, поскольку она оторвалась от РСФСР». Все эти показания не помешали следователям ГПУ вынести постановление о предъявлении профессору В. Н. Строеву обвинения в контрреволюционной деятельности и аресте. Не заметили они и то, что профессор В. Н. Строев жил в 1919–1920 гг. в Тамбове, хотя публицист В. А. Строев-Десницкий в это время находился в Петрограде, где был инициатором создания группой социал-демократов-интернационалистов газеты «Новая жизнь». Профессор В. Н. Строев утверждает, что «политических убеждений у меня нет и никогда не было», в то время как публицист В. А. Строев-Десницкий в своих публикациях достаточно критически, во многом с позиций Максима Горького, относился к отдельным сторонам политики большевиков. И вот невинный человек, далекий от политики, оказался в числе «злейших врагов Советской власти». Не помогло и письмо в его защиту ректора университета М. Серебрякова, и многочисленные справки о тяжелом состоянии здоровья. И тут вдруг выясняется ошибка, профессор В. Н. Строев не высылается, а высылается публицист В. А. Строев-Десницкий... на основе все тех же показаний однофамильца. Следственное дело не стали переписывать, дополнительный допрос не стали производить, просто на папке со следственным делом аполитичного профессора В. Н. Строева приписали рядом с псевдонимом социал-демократа — публициста его настоящую фамилию — «Десницкий». Трафаретный протокол и шаблонный приговор не требовали лишних усилий со стороны чекистов.

Окончательное заключение по делу профессора В. Н. Строева было вынесено только 24 января 1923 г.: «Следствием виновность Строева не установлена...». Сам профессор В. Н. Строев по поводу случившегося писал 27 октября 1930 г. в Берлине: «Из всех арестованных, но не расстрелянных в России ученых

³⁴ Главацкий М. Е. «Философский пароход»: год 1922-й: Историографические этюды. Екатеринбург, 2002. С. 196.

я испытал, может быть, самую худшую участь: я предназначался к высылке, уже ликвидировал, все распродал, готовясь к отъезду, как вдруг ни с того, ни с сего был оставлен. Причиной этого было вовсе не «помилование», как говорил здесь [в эмиграции. — А. К.] проф. Стратонов, а новый на меня донос со стороны всемогущего тогда в университете «красного профессора» Цвибака: Он донес о моей близости к польскому посольству (которое выразилось только в том, что в составе последнего находились мои ученики, с которыми у меня были самые тесные, душевные отношения), и что я, как бывший член Комиссии по ликвидации Царства Польского при Временном правительстве, могу быть полезен своими указаниями полякам: тогда это был жгучий вопрос. Вскоре затем меня устранили от лекций в университете и вообще от педагогической деятельности, по словам тогдашнего ректора Державина, согласно требованию университетского коммунистического коллектива, и я, разоренный вконец и больной, остался решительно без всяких средств к существованию... С невероятными усилиями мне удалось уехать из России, но в Берлине, куда я попал совершенно случайно, меня ждали новые испытания, может быть, еще худшие»³⁵. А 19 февраля 1923 г. Политбюро постановило по предложению Ф. Э. Дзержинского отменить и высылку известного социал-демократического публициста В. А. Строева-Десницкого³⁶.

Но для большинства осужденных приговор был окончательным. Тогда публицист Д. В. Философов «с пассивным отвращением согласился» на отъезд, хотя «был инертен и безучастен»³⁷. «И не всем удалось так благополучно выбраться за границу, как той группе профессоров, которой в 1922 г. было предложено на выбор, подвергнуться суду по статье, карающей смертной казнью, или быть изгнанным из пределов Советского Союза»,³⁸ — вспоминал бывший ректор

Московского университета М. М. Новиков. А философ Ф. А. Степун писал: «Узнав, что все оказалось правдой, что я, действительно, высылаюсь за границу, что мы, может быть, уже через две недели окажемся в Берлине, она [жена. — А. К.] странным образом не обрадовалась, а лишь успокоилась: что высылают — грустно, но что не ссылают, конечно, счастье...»³⁹.

И вот происходит высылка. 23 сентября за границу поездом в Ригу выехали первые высланные с семьями (А. В. Пешехонов, П. А. Сорокин, И. П. Матвеев, А. И. Сигирский и др.). Вслед за ними также железнодорожным транспортом, но уже в Берлин отправились Ф. А. Степун, Н. И. Любимов и другие. 29 сентября группа из 33 высылаемых из Москвы и Казани отправилась в Петроград, чтобы на следующий день отплыть на двух германских кораблях. Две партии выслали на зафрахтованных у немцев пароходах «Обербургомистр Хакен» (первый рейс из Петрограда в Штеттин 29–30 сентября) и «Пруссия» (второй рейс 16–17 ноября). На первом пароходе из страны выехали более 30 человек (с семьями — около 70) московских и казанских интеллигентов. В их числе: Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, С. Е. Трубецкой, И. А. Ильин, Б. П. Вышеславцев, А. А. Кизеветтер, М. А. Ильин (Осоргин), М. М. Новиков, А. И. Угримов, В. В. Звоныкин, Н. А. Цветков, И. Ю. Баккал и другие. На втором — 17 человек (с семьями — 44) петроградских профессоров и деятелей науки и культуры, в том числе Л. П. Карсавин и Н. О. Лосский.

Поскольку пароходами выслали многих выдающихся отечественных философов, эти пароходы в публицистике стали образно называть «философскими». По воспоминаниям Ф. А. Степуна, высылаемым «разreshалось взять: одно зимнее и одно летнее пальто, один костюм, по две штуки всякого белья, две денные рубашки, две ночные, две пары кальсон,

³⁵ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Nicolaevsky B. I. Box 211. Folder 211.?

³⁶ Соскин В. Л. Переход к НЭПу и культура (1921–1923 гг.). Новосибирск, 1997. С. 79.

³⁷ Гиттиус З. Н. Дмитрий Мережковский. Париж: YMCA-PRESS, 1951 г. С. 241.

³⁸ Новиков М. М. Новиков М. М. Русская научная организация и работа русских естествоиспытателей за границей: Опыт введения в русско-эмигрантскую научную библиографию. Прага, 1935. С. 38.

³⁹ Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956. Т. 2. С. 420.

две пары чулок. Золотые вещи, драгоценные камни, за исключением венчальных колец, были к вывозу запрещены; даже и нательные кресты надо было снимать с шеи. Кроме вещей разрешалось, впрочем, взять небольшое количество валюты, если не ошибаюсь, по 20 долларов на человека; но откуда ее взять, когда за хранение ее полагалась тюрьма, а в отдельных случаях даже и смертная казнь»⁴⁰. Иными словами, коммунистическая власть выдворяла из страны людей, составлявших цвет нации, не только насильно, но и без всяких материальных средств.

Что касается представителей украинской интеллигенции, то часть их также была выслана за границу в сентябре-октябре 1922 г. В сентябре из Одессы была выслана группа профессоров в Константинополь. В октябре из Одессы была выслана группа из 12 профессоров в Варну. 18 ноября в Штеттин прибыла группа из 17 высланных из Петрограда (с семьями — 44 человека). «На пароходе ехал с нами сначала отряд чекистов. Поэтому мы были осторожны и не выражали своих чувств и мыслей. Только после Кронштадта пароход остановился, чекисты сели в лодку и уехали. Тогда мы почувствовали себя более свободными. Однако угнетение от пятилетней жизни под бесчеловечным режимом большевиков было так велико, что месяца два, живя за границей, мы еще рассказывали об этом режиме и выражали свои чувства, оглядываясь по сторонам, как будто чего-то, опасаясь»⁴¹, — вспоминал Н. О. Лосский.

В доверительном письме С. Д. Боткина М. Н. Гирсу от 14 декабря 1922 г. сообщается: «Подобные же высылки, оставшиеся для широкой публики почти незамеченными, были произведены и из остальных частей федеративной республики. Так была выслана из Грузии и проследовала в Германию группа общественных и политических деятелей, в числе 62 человек, из них, между прочим, 60 принадлежат к социал-демократической партии. Рассказы грузинских изгнанников дают

уже всем хорошо известную картину царящего в Совдепии насилия, хаоса и развала, проникших вместе с Красной армией и в Закавказье»⁴².

Высылки инакомыслящей интеллигенции практиковались властью и в дальнейшем. Так, в начале 1923 г. за рубеж были высланы известный кооператор Б. Р. Фромметт, философ и религиозный деятель С. Н. Булгаков, некоторые другие. После долгих обсуждений в январе 1923 г. Политбюро ЦК РКП (б) согласилось с предложением руководителей Коммунистической партии Украины заменить оставшимся высылку за границу на ссылку в отдаленные губернии РСФСР. Мотивом такого решения стало нежелание укреплять за счет эмигрантов украинское националистическое движение. Однако, как следует из письма А. В. Луначарского Л. Б. Каменеву⁴³ от 28 ноября 1922 г., реально высылкой воспользовались украинские националисты:

«Секретно

Дорогой Лев Борисович.

Я обратился бы с этим письмом к Владимиру Ильичу, но т. к. крайне нежелательно загромождать его дополнительными делами, то думаю, что, может быть, вопрос этот урегулируется в ЦК, через Вас. Дело в том, что на Украине, как говорят мне товарищи просвещенцы-коммунисты из Киева, высылка профессуры произошла до крайности неправильно, а между тем, кажется, она уже утверждена плохо информированным Политбюро. Сейчас отставлены от службы и высылаются профессора: Свенсон, Крымов, Титов, Рожанов, Бочаров, Волкович и ассистент Деларю. По заявлению ректора Киевского университета, коммуниста, это равносильно полному разгрому медицинского образования в Киеве. Все это высококвалифицированная профессура. Говорят, что некоторых из них хотят перевести в Екатеринослав, но Екатеринославский медицинский факультет, по нашему мнению, подлежит закрытию и никаким вспрыскиванием отдельных профессоров его

⁴⁰ Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. Т. 2. С. 621–622.

⁴¹ Лосский Н. О. Воспоминания: Жизнь и философский путь. Мюнхен, 1968. С. 220.

⁴² Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Girs, Mikhail N. Box 21. Folder 21. — 1.

⁴³ Письмо 5 декабря 1922 г. Л. Б. Каменев направил в Политбюро ЦК РКП (б).

нельзя спасти, он нежизнеспособен. Между тем является несомненным для каждого киевлянина, что профессоров этих изгоняют потому, что это русские профессора, преподающие на русском языке. В Киевском университете преподавание ведется на обоих языках, и тамошний Н [ар] к [ом] п [рос] до появления Затонского⁴⁴ оказывал всяческое покровительство вытеснению русской профессуры, хотя бы с заменой ее, как это имеет место в Киеве, несомненно более слабыми научными работниками.

Обращаю на это сугубое внимание ЦК и прошу в партийном порядке или в порядке ГПУ с привлечением, конечно, тов. Затонского и обязательно ректора так называемого Киевского института народного образования (так переименовал университет нарком Гринько) пересмотреть этот список. Вы знаете, что у нас в России высылались только профессора бесполезные и в настоящее время вредные. Эти же профессора, по свидетельству многих киевских коммунистов, вполне достаточно лояльны в политическом отношении, в отношении же научном представляют собою почти все действительно серьезное научное ядро Киевского медицинского факультета.

Я очень надеюсь, Лев Борисович, что Вы мне окажете в этом отношении содействие и, может быть, передадите это письмо Владимиру Ильичу, который, как я знаю, понимает проблему языков на Украине.

Все же прибавлю еще два слова. В то время как в губернских городах на Украине, благодаря прочности там русской культуры, а с ней вместе и культуры вообще, дело идет терпимо, а в деревнях украинская форма более или менее естественна⁴⁵. Сейчас идет борьба за уездные города, где при помощи целого ряда усилий со стороны уоно⁴⁶, а иногда и прямых подвохов, идет выпирание русской культуры, что практически равносильно равнению по украинскому кулаку. Но это второй большой

вопрос, о котором придется говорить отдельно с Затонским. Здесь я привожу его только в дополнение той характеристики, которая мной дана относительно искусственности подбора и высылки профессоров.

Нарком по просвещению А. Луначарский⁴⁷.

Но это уже была не масштабная операция, как летом и осенью 1922 г., когда, по неполным данным (детальное исследование вопроса не проведено, и точное число высланных не известно), высылке за рубеж и в отдаленные местности России подверглось более двухсот представителей отечественной интеллигенции⁴⁸.

Так что следует отказаться от модного публицистического штампа о «зверской высылке», так как для многих «внутренних эмигрантов» в Советской России «философский пароход» стал не только символом приобретения свободы, но и определенной альтернативой выбора дальнейшей судьбы.

Пассажиры «философского парохода» оказались, как правило, чужими в российском зарубежье. Документы, обнаруженные в архиве Гуверского института войны, революции и мира Стенфордского университета США показывают, что руководители российского зарубежья настороженно отнеслись к интеллигентам, высланным из Советской России. Стремление большевиков избавить Советскую Россию от того, что оценивалось ими как негативное, в какой-то степени можно объяснить довольно примитивным, но в целом естественным желанием покончить сразу и окончательно со всяким социальным злом («свои» — «чужие»). Эмигранты также оценивали высланных с позиций времен Гражданской войны, когда врага уничтожали физически. Высылка не вкладывалась в прежние представления. Поэтому интеллигенты, высланные из Советской России, воспринимались часто в качестве «агентов большевиков» (достаточно часто в переписке известных деятелей эмиграции утверждается, что они «не

⁴⁴ Затонский Владимир Петрович — в 1922 г. Нарком просвещения УССР.

⁴⁵ Так в тексте.

⁴⁶ Уоно — уездный отдел народного образования.

⁴⁷ «Очистим Россию надолго». К истории высылки интеллигенции в 1922 г. / Вступительная статья, комментарии и подготовка документов к публикации А. Н. Артизова. // Отечественные архивы. 2003. № 1. С. 94.

⁴⁸ Там же. С. 91.

высланные, а засланные»), то есть через ту же оппозицию «свой» — «чужие».

В определенной мере настороженность к изгнанникам проявила и европейская общественность. Так, в доверительном письме С. Д. Боткина М. Н. Гирсу от 14 декабря 1922 г. сообщается: «Здесь социалистическая газета *«Vorwärts»* с большим сочувствием отзывается о прибывших политических врагах советского строя и во всех подробностях приводит на своих страницах их мрачные рассказы о советском режиме. Буржуазные же газеты об этом хранят полное молчание»⁴⁹. Скорее всего, молчание буржуазной прессы и слабый общественный резонанс были санкционированы германскими властями, не желавшими акцентировать внимание общественности Германии на двусмысленной позиции своего правительства в отношении высылки российских интеллектуалов.

Изменения в результате высылки, происходившие в России в целом и в той или иной мере вызванные эмиграцией, нельзя определить иначе, как общенациональные — духовные, нравственные, культурные, материальные, наконец, — потери и утраты. Практически каждый экспатриант был способен в меру собственных сил способствовать развитию и процветанию своей Родины. Но М. Е. Главацкий обоснованно выступает против утверждений о том, что высланные «были выброшены из науки и культуры», а «большинство из них на Западе ничего принципиально нового не создали», и лишь на одном примере Н. А. Бердяева доказывает обратное, отмечая, что его работы были переведены на 20 языков, а их общий список насчитывал 500 названий⁵⁰. Если к этому еще добавить результаты научной работы за рубежом П. А. Сорокина, С. Н. Булгакова, А. А. Кизеветтера, С. Л. Франка, Ю. И. Айхенвальда, Ф. А. Степуна, Н. А. Лосского и многих других пассажиров «философского парохода», то можно даже говорить

о значении высылки 1922 г. для развития отечественной и мировой науки. За счет высланных за пределы Родины в 1922 г., как считает историк российского зарубежья П. Е. Ковалевский, зарубежная «категория русских мыслителей сильно пополнилась»⁵¹. А литератор того времени Ю. К. Терапиано полагал, что «высылка из Советской России большой группы писателей, философов, ученых и политических деятелей в 1922 г. влила в эмиграцию новые квалифицированные силы и способствовала повышению ее авторитета на Западе»⁵².

При этом нужно еще учесть, что произошло бы с этими талантливыми и неординарными людьми, если бы они остались в СССР. Они, по существу, были бы первыми кандидатами на арест и расстрел. Кстати, эта мягкая форма «расставания» с непримиримыми оппозиционерами из среды представителей интеллигенции в 1922 г. была немыслима в 1930-х гг. Она показывает, что, по-видимому, не правы историки и публицисты, которые не делают различия между ленинским и сталинским этапами существования послеоктябрьской интеллигенции. Несомненно, между ними было немало общего. Но имелись и существенные отличия, которые вряд ли стоит игнорировать, иначе можно исказить картину событий. В 1922 г. руководство большевиков еще не было склонно к тотальной войне против инакомыслия. В его среде имелось много образованных людей, предпочитавших более мягкие формы противостояния идеологическим оппонентам. Высылка 1922 г. была отзвуком Гражданской войны в России, чрезвычайных обстоятельств, вызванных голодом, не преодоленным еще социальным и классовым отчуждением.

В целом, подводя итог современному пониманию высылки интеллигенции 1922 г., можно согласиться с М. Е. Главацким, который отмечает: «Таким образом, при некотором разбросе мнений, исследователи истории высылки

⁴⁹ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Girs, Mikhail N. Box 21. Folder 21. — 1.

⁵⁰ Главацкий М. Е. «Философский пароход»: год 1922-й: Историографические этюды. Екатеринбург, 2002. С. 213.

⁵¹ Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). Париж: Librairie des Sinq Continents, 1971. С. 14.

⁵² Терапиано Ю. К. Вступительная статья // Муза диаспоры. Ф. а. М.: Посев, 1960. С. 7.

единодушны в том, что экспатриация инакомыслящей интеллигенции в 1922 г. явилась логическим шагом в развитии внутренней политики страны. Ее главной причиной можно назвать попытку власти установить жесткий идеологический контроль, удалив из страны интеллектуальную элиту — тех людей, которые могли мыслить свободно, самостоятельно анализировать обстановку и высказывать свои идеи, а зачастую и критиковать существующий режим... Взаимоотношения между ними и властью можно выразить одним словом — несовпадение. В чем? В различном отношении к Слову, Свободному слову»⁵³.

Современный исследователь В. А. Сойфер попытался доказать, что вожди большевиков были враждебно настроены по отношению к науке. Ленин, утверждает он, «создал трудности ученым в стране, лишь терпел физиолога И. П. Павлова, да и то потому, что тот был единственным живущим в России Нобелевским лауреатом»⁵⁴. Это не соответствует действительности. В условиях голода, разрухи, проблем восстановительного периода после Гражданской войны в России вожди большевиков делали немало для спасения находившейся в очень трудном положении российской науки, для сохранения Российской академии наук. При Наркомате просвещения уже с 1918 г. существовало Главное управление по науке. М. Г. Главацкий справедливо считает, что русскую интеллигенцию вряд ли можно рассматривать «только как жертву». Он полагает, что ее отношения с Советской властью складывались непросто, и отмечает: «Вместе с тем известно, что власти звали ученых к сотрудничеству: открывались новые учебные заведения, научные учреждения, оказывалась возможная помощь деятелям культуры, науки и техники, которые особенно страдали от голода в условиях перехода к рыночным отношениям»⁵⁵.

Эти выводы подтверждаются воспоминаниями самих ученых, в частности, Н. В. Тимофеева-Ресовского, который был свидетелем событий 1922 г., а позднее, во время своей научной командировки в Германии, общался с некоторыми из высланных ученых. Он отмечал, что нэп сыграл большую роль в возрождении русской науки⁵⁶.

Высылка — одна из самых мягких форм противостояния властей «непримиримой идеологической оппозиции». Разновидностей подобного противостояния великое множество. По существу, ни в одной стране правительство не поощряет круги, которые ставят под сомнение его идеологическую и политическую легитимность и в определенные моменты готово использовать силу и другие способы для их нейтрализации⁵⁷. Иногда это делается грубо, иногда более завуалировано, путем инспирированной властями травли в прессе или в парламенте. В Советской России 1922 г., когда Гражданская война только окончилась, а экономические и социальные противоречия были особенно значительны, не могло не проявиться стремление властей противостоять своим наиболее решительным идеологическим оппонентам.

Не соответствует действительности утверждение о том, что среди высылаемых на Запад была представлена чуть ли не вся интеллектуальная элита России. Основная масса крупных ученых и деятелей культуры, в том числе и весьма далеких от коммунистической идеологии, оставалась в стране. Это были, прежде всего, члены Российской академии наук. Именно они, а также другие оставшиеся интеллектуалы обеспечили в 1920-е гг. стремительный взлет науки и культуры в нашей стране. Здесь можно назвать много имен, которые вошли в золотой фонд российской и мировой науки и культуры. Конечно, среди высланных имелись видные ученые и мыслители, которых можно отнести к интеллектуальной элите

⁵³ Главацкий М. Е. «Философский пароход»: год 1922-й: Историографические этюды. Екатеринбург, 2002. С. 24–25.

⁵⁴ Сойфер В. Власть и наука (Разгром коммунистами генетики в СССР). 4-е изд. М.: ЧеРо, 2000. С. 135.

⁵⁵ Главацкий М. Е. «Философский пароход»: год 1922-й: Историографические этюды. Екатеринбург, 2002. С. 60.

⁵⁶ См.: Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. Очерки. Воспоминания. Материалы / Отв. ред. Н. Н. Воронцов. М.: Наука, 1993. С. 41; Тимофеев-Ресовский Н. В. Истории, рассказанные им самим, с письмами, фотографиями и документами. М.: Согласие, 2000. С. 122–123, 154–155, 292.

⁵⁷ Вестник РАН. 2001. № 11. С. 1046.

России. Но эта была лишь малая и отнюдь не самая интеллектуальная ее часть.

Не совсем обоснованы утверждения о враждебном, непримиримом отношении большевиков ко всякому инакомыслию. Инакомыслящие еще имелись в самой партии. Чтобы в этом убедиться, достаточно просмотреть протоколы партийных съездов и конференций за 1918–1922 гг. В государственных учреждениях активно работали идеологические оппоненты различных оттенков, в науке также были представлены сторонники самых различных идеологических взглядов и концепций. Именно против таких людей, в том числе и членов партии, были направлены репрессии, начатые Сталиным в конце 1920-х гг.

Параллельно с этими высылками ГПУ продолжало регистрацию всех подозрительных представителей интеллигенции, не являвшихся столь крупными фигурами; они могли быть осуждены либо на административную высылку в «определенные местности РСФСР», узаконенную декретом ВЦИК от 10 августа 1922 г., либо на заключение в концентрационный лагерь. 5 сентября 1922 г. Дзержинский пишет своему заместителю Уншлихту: «Т. Уншлихт! У нас в области составления списков на интеллигенцию большое кустарничество. У нас нет с отъездом Агранова лица, достаточно компетентного, который этим делом занимался бы сейчас. Зарайский слишком мал для руководителя. Мне кажется, что дело не двинется, если не возьмет этого на себя сам т. Менжинский. <...>

Необходимо выработать план, постоянно корректируя его и дополняя. Надо всю интеллигенцию разбить по группам.

Примерно

1) Беллетристы, 2) Публицисты и политики, 3) Экономисты (здесь необходимы подгруппы): а) финансисты; б) топливники; в) торговля; д) кооперация и т. д. 4) Техники (здесь тоже подгруппы): а) инженеры; б) агрономы; в) врачи — и т. д. 5) Профессора и преподаватели и т. д. и т. д.

Сведения должны собираться всеми нашими отделами и стекаться в отдел по интеллигенции. На каждого интеллигента должно быть дело <...>.

Надо всегда помнить, что задачей нашего отдела должен быть не только арест или высылка, а содействие выпрямлению линии по отношению к спецам, т. е. внесение в их ряды разложения и выдвижения тех, кто готов без оговорок поддержать Советскую власть»⁵⁸.

Через несколько дней Ленин адресовал Сталину пространный меморандум, в котором перечислялись мероприятия по «окончательной очистке» России от всех социалистов, интеллигентов, либералов и других «господ»: «К вопросу о высылке из России меньшевиков, народных социалистов, кадетов и т. п., я бы хотел задать несколько вопросов ввиду того, что эта операция, начатая до моего отпуска, не закончена и сейчас. Решено ли искоренить всех энесов? Пешехонова, Мякотина, Горнфельда? Петришева и других? По-моему, всех выслать. Вреднее всякого эсера, ибо ловчее. То же Потресов, Изгоев и все сотрудники «Экономиста» (Озеров и многие, многие другие). Меньшевики Розанов (врач, хитрый), Вигдорчик (Микуло или как-то в этом роде), Любовь Николаевна Радченко и ее молодая дочь (понаслышке злейшие враги большевизма); Нарожков (надо его выслать; неисправим) <...>.

Комиссия под надзором Манцева, Месинга должна представить списки и надо бы несколько сот подобных господ выслать за границу безжалостно. Очистим Россию надолго <...>.

Всех авторов «Дома литераторов», Питерской «Мысли». Харьков обшарить, мы его не знаем, это для нас «заграница». Чистить надо резко, быстро, не позже конца процесса эсеров.

Обратите внимание на литераторов в Питере («Новая Русская Книга» № 4, 1922, с. 37) и на список частных издательств (с. 29). Это архи-важно!»⁵⁹. Борьба с инакомыслием среди интеллигенции продолжалась.

⁵⁸ Ленин В. И. Неизвестные документы: 1891–1922. М.: РОССПЭН, 1999. С. 550.

⁵⁹ Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии. 2-е издание, исправленное. М.: Изд. «Три века истории», 2001. С. 338.

Например, А. В. Луначарский высказал мнение, что Петроградский Совет научных деятелей «вообще нежелательная цитадель правой профессуры», отметив, что пока закрывать его не следует, чтобы не раздражать лишний раз профессуру в условиях, когда появились перспективы «сносного сотрудничества»⁶⁰. Таким образом, большевистское

руководство с одной стороны, по-прежнему опасалось усиления общественного влияния интеллигенции в Советской России, а с другой стороны, после «вычищения страны от антисоветских элементов» стремилось найти какой-то вариант компромисса с оставшимися в стране лояльными представителями интеллигенции.

Литература

1. *Dagmar Hobzova*. Catalogue des archives parisiennes d'Evgenij Zamjatin // *Cahiers du monde russe et soviétique*. Vol. XIII — 2 (Avril-Juin 1972). — P. 279.
2. Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. *Girs, Mikhail N.* Box 21. Folder 21. — 1.
3. *Анненков Ю. П.* Дневник моих встреч. Цикл трагедий: В 2 тт. Т. 1 — NY: Inter-Language Literary Associates / Международное Литературное содружество, 1966.
4. Беседа с Мякотинным // Руль. — 1922. — 1 окт.
5. *Гиппиус З. Н.* Дмитрий Мережковский. — Париж: YMCA-PRESS, 1951. — 310 с.
6. *Главацкий М. Г.* Философский пароход. Историографические этюды. Год 1922 -й. — Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. — 224 с.
7. *Горький и советские писатели*. Неизданная переписка / Сер. Литературное наследство. — Т. 70. — М.: Издательство Академии Наук СССР 1963. — 734 с.
8. *Дмитриев С.* Завет терпимости. Ленин и «Письма к Луначарскому» Короленко // Наш современник. — 1990. — № 4. — С. 174–189.
9. *Емельянов Ю. Н.* С. П. Мельгунов: в России и эмиграции — М., 1998.
10. *Замятин Евг.* Автобиография // Собрание сочинений. — Т. 1. — М.: Русская книга 1929. — 610 с.
11. *Знамя*. — 1990. — № 3.
12. *Зубов В. П.* Страдные годы России. Воспоминания о революции (1917–1925). — Munchen: Wilhelm Fink, 1968. — 157 с.
13. Из истории советской литературы 1920–1930-х годов. Новые материалы и исследования / Сер. Литературное наследство. — Т. 93. — М: Наука, 1983. — 759 с.
14. *Квакин А. В.* Идеино-политическая дифференциация российской интеллигенции в период нэпа, 1921? 1927. — Саратов: Из-во Саратов. ун-та, 1991. — 176 с.
15. *Ковалевский П. Е.* Зарубежная Россия. История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920–1970) — Париж: Librairie des Sinq Continents, 1971. — 347 с.
16. *Костиков В.* Изгнание из рая // Огонёк. — 1990. — № 24. — С. 14–16.
17. *Костиков В.* О «феномене Лоханкина» и русской интеллигенции // Огонёк. — 1988. — № 49.
18. *Ленин В. И.* Неизвестные документы: 1891–1922. — М.: РОССПЭН, 1999. — 670 с.
19. *Лосский Н. О.* Воспоминания: Жизнь и философский путь. — Мюнхен, 1968.
20. *Малышева С. Ю.* Казанские профессора — пассажиры «философского» парохода // Российское Зарубежье: история и современность. — М., 1998.
21. *Мальмстад Дж., Флейшман Л.* Из биографии Замятина (по новым материалам) // Stanford Slavic Studies. — Stanford, 1987. Vol. 1.

⁶⁰ Вестник профессионального технического образования. 1921. № 31. С. 57.

22. Тимофеев-Ресовский Н. В. Очерки. Воспоминания. Материалы / Отв. ред. Н. Н. Воронцов. — М.: Наука, 1993.
23. Новая и новейшая история. — 2002. — № 5.
24. Новиков М. М. Русская научная организация и работа русских естествоиспытателей за границей: Опыт введения в русско-эмигрантскую научную библиографию — Прага, 1935. — 40 с.
25. Октябрь. — 1988. — № 1.
26. Оредовский Я. «Высланный» // Последние Известия (Ревель). — 1923. — 16 февр.
27. Осоргин М. А. Времена. — Париж, 1955.
28. Оцун Н. Современники. — Париж, 1961.
29. Селезнева И. Н. Интеллектуалам в советской России места нет. Архивные документы о высылке 1922 года // Вестник РАН. — 2001. — № 8.
30. Сойфер В. Власть и наука (Разгром коммунистами генетики в СССР). 4 изд. — М.: ЧеРо, 2000. — 1024 с.
31. Соскин В. Л. Переход к НЭПу и культура (1921–1923 гг.). — Новосибирск, 1997. — 107 с.
32. Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. — Т. 2. — Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956. «Очистим Россию надолго». К истории высылки интеллигенции в 1922 г. / Вступительная статья, комментарии и подготовка документов к публикации А. Н. Артизова. // Отечественные архивы. — 2003. — № 1.
33. Телицын В. Л. «Люди мысли»: изгнание из России. (Реконструкция списка высланных во второй половине 1922 — начале 1923 года) // Факты и версии. Историко-культурологический альманах. Исследования и материалы. Книга III. Русское зарубежье: политика, экономика, культура. — СПб., 2002. — С. 20–28.
34. Терапиано Ю. К. Вступительная статья // Муза диаспоры. Ф. а. — М.: Посев, 1960. — С. 7–25.
35. Тимофеев-Ресовский Н. В. Истории, рассказанные им самим, с письмами, фотографиями и документами. — М.: Согласие, 2000. — 880 с.
36. Трубецкой С. Е. Минувшее. — М.: ДЭМ, 1991. — 340 с.
37. Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О. Русский Берлин. — Париж, 1983.
38. Ходасевич В. Ф. Некрополь: Воспоминания. — Брюссель: Петрополис, 1939. — 280 с.
39. Хоружий С. Философский пароход. Как это было // Литературная газета. — 1990. — № 19.